
Мурзилка
№ 2–3
Год издания девятнадцатый
февраль–март
1943
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Наши войска выбили немцев из деревни Поповка. Мы шли по пустынным, сожжённым деревенским улицам. У полуразрушенной землянки нам встретился маленький мальчик. Он стоял и горько плакал, прижав к себе кошку.

— Чей ты? Где мама? — спросил я мальчика.

Он заплакал ещё горше. С трудом нам удалось узнать, что мальчика зовут Петя, что ему пять лет, что папы и мамы у него нет — их угнали немцы.

Отступая из деревни, немецко-фашистские мерзавцы расстреляли всех детей и стариков, а здоровых мужчин и женщин угнали с собой. Петя остался в деревне один-одинёшенек.

Младший воентехник
И. СУХАНОВ

Ребята! На обложке художница Е. Афанасьева нарисовала освободителей деревни Поповки, которые нашли маленького Петю. Бойцы обогрели и приютили Петю, а потом отправили в детский дом. Там теперь Пете хорошо.

Солдаты гитлеровской армии, отставшие от своих частей, сами выходят из потайных убежищ и сдаются в плен.

— Холод, хлеб нет. Где плен? — спрашивают они встречных.

В одной деревне Курской области старуха, вооруженная дубинкой, привела в комендатуру немецкого офицера.

— Примите от меня этого плюгавенького... В сарае хоронился, — сказала старуха.

Славная, доблестная Красная Армия разгромила под Сталинградом немецкое войско, в котором было 330 тысяч человек. Только в плен наши войска взяли 91 тысячу солдат и офицеров. В плен взят генерал-фельдмаршал Паулюс и 24 генерала. Вот они, немецкие вояки, понурые, оборванные, сложив оружие, сдаются в плен.

НА ОБЛОЖКЕ РИС. Е. АФАНАСЬЕВОЙ «В ОСВОБОЖДЕННОМ РАЙОНЕ».

Маршал Советского Союза
Георгий Константинович
ЖУКОВ

Товарищ ЖУКОВ заслужил высокое звание Маршала Советского Союза на полях сражений великой отечественной войны. Он осуществлял сталинский план разгрома немцев под Москвой. Он проводил в жизнь сталинский план окружения и разгрома немецких войск в районе Сталинграда. Вместе с Маршалом Советского Союза товарищем Ворошиловым он организовал прорыв блокады Ленинграда.

В. Донникова

Да здравствует солнце!

На русскую землю,
как огненный смерч,
Шёл немец
войною кровавой.
Он нёс разоренье,
пожары и смерть.
Он рабские цепи
ковал нам.

— Враги позабыли,
Что Сталин в Кремле,—
Сказали свободные люди.—
Рабы не живут
На советской земле.
Их не было,
нет
и не будет!

К нам в закрома
запускали не раз
Руку немецкие воры,—
Мы били их крепко,
побьём и сейчас,
Побьём
и прогоним с позором!
Забыли потомки рыцарей-псов
Год восемнадцатый,
Нарву
и Псков!

Полки за полками
На битву с врагами
Карающей силой идут,
Звериную стаю
Железом и сталью
И давят, и гонят, и бьют.

В битвах смертельных
Не дрогнул ни разу
В боях закалённый
Советский народ.
Ведёт его светлый
Сталинский разум.
За правое дело
К победе ведёт!

Навеки фашистская
сгинет чума!
«Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!»

ВИТ. БИАНКИ

Рис. А. БОРОВСКОЙ

Пообещал я как-то сынишке взять его с собой на охоту — тропить зайцев. И с тех пор не стало мне покоя. Каждое утро, чуть свет, сынишка врывается ко мне:

— Вставай! Сегодня пойдем? Погода хорошая.

Ему на охоту итти погода всегда хорошая. А зверя тропить — то есть разыскивать по следам — не всякий день удобно. След разный бывает, смотря по погоде.

Я откажусь итти, а сынишка хныкать:

— Опять не хочешь! Ведь откладываем да откладываем... Когда же, наконец, пойдем?

И придумал я военную хитрость.

— Слушай, — говорю, — мою команду.

Он сразу руки по швам.

— Есть, — говорит.

— Ну вот: зря меня больше не буди. Утром, как встанешь, первым делом беги в садик. Там на снегу прочтёшь мой приказ — выходить в поход или нет.

— Есть, — говорит, — выходить утром в сад.

Он лёг спать, а я взял палку и вышел из дому. Дом у нас с палисадничком. Зимой в палисадник никто не ходит. Снег там как выпадет, так и лежит нетронутый. Я просунул палку сквозь забор и написал на снегу печатными буквами, — сынишка у меня ещё маленький, только по-печатному разбирает:

СЕГОДНЯ НЕ БУДИТЬ!

В ту ночь я выспался хорошо: сынишка не пришел будить меня спозаранку. Я встал, оделся и посмотрел в окно. Утро было серенькое, безветреное, тёплое; градусник за окном показывал чуть выше нуля. Снег казался грязноватым, как плохой мел. Тусклым, скучным лежал мой приказ на снегу.

Я порадовался своей выдумке: ведь по этой надписи мне каждый день будет видно, какие изменения происходят и со следами в поле.

Стенки букв подтаивали, буквы расплывались, как на промокашке. В такой хмурый день свежие следы быстро расплываются.

Я спокойно сел за работу.

На второй день опять не пришел будить меня сынишка.

Утро было солнечное. Еще с ночи завернул такой мороз, что снег стал, как пастила: сверху подсохла толстая корка — наст. По нему не только легкий зайчишка — волк, и тот не провалится. И следа никакого не оставит, разве кой-где когтями царапнет. Надпись моя казалась выцарапанной ножом во льду. Стенки букв сверкали, как срезанный металл. Ямки наполнились мелкой крупкой. В такую погоду найдешь одни старые следы, новых нет.

И третий день не принёс ничего хорошего. Опять был мороз, да еще с ветром, — позёмкой. Сухой крупичатый снег мело по земле—пудрило следы. Буквы точно кто сто-

ловой солью посыпал. Пойдёт заяц утром с поля, где кормился,—с жировки,—его следы сразу и припудрит. Как их отличишь от его вечерних следов?

Сынишка ходил насупленный, но молчал: приказ оставался в силе.

Я поздно засиделся в ту ночь за работой. Лёг под утро.

— Подъём! — вдруг кто-то крикнул мне в самое ухо, как бывало на военной службе. Но что-то больно уж тоненький голосок у дневального. Я с трудом открыл глаза.

— Будись живо! — кричал сынишка.—Я уже чай пью.

Я только глянул в окно — и сразу убедился, что он не напрасно меня поднял: на оконной раме, на заборе лежал толстый, пухлый, как вата, снег.

Значит, перед рассветом выпала мертвая пороша.

Так называют охотники выпадающий ночью короткий густой снег—лучший помощник следопыта. Он начисто засыпает все старые следы. Утром в поле глазам охотника открывается мёртвая белая пелена. И только самые свежие — утренние — следы зверей чётко отпечатываются в новеньком рыхлом снегу.

Я так заторопился на охоту, что и забыл посмотреть на свою надпись. Да и не к чему было: её, конечно, так же занесло, как и все старые следы.

Только мы с сынишкой выехали за кладбище, сразу увидели заячий след.

— Ну-ка,—спрашиваю,—куда заяц шёл?

Он у меня уже знает, что заяц на бегу заносит длинные задние ноги вперёд передних. След от задних — продолговатый, пяточкой впереди; от передних—круглый, как пятачок—позади.

— Сам на кладбище пошёл помирать,— уверенно доложил сынишка. — Поворачивать?

— Нет, постой, — предупредил я, занося лыжи немного вбок. И снял с плеча ружьё. — Это ведь русачий след, а русаку чащи не надо, чтобы залечь. Смотри: дальше след оборвался. Тут заяц сдвойку сделал: повернул и пошёл назад своим следом. А вот скидка: он прыгнул в сторону. Погоди-ка, вон не у того ли куста он и залёг?

И только мы стали подходить к этому кусту, за ним мелькнули чёрные кончики длинных ушей. Я выстрелил. Здоровый русачина подскочил выше куста, перекувырнулся через голову — и пропал.

Когда мы подошли, он был мёртв.

Без труда мы вытропили ещё трёх русаков и одного беляка. Но застрелить удалось только беляка: остальные от нас удрали.

Мы отыскали длинную палку, привязали к ней обоих зайцев—серого и белого — и потянули их домой. Я держал палку в руке, а сынишка положил другой ее конец себе на плечо.

У самого дома нам встретился боец, отдыхавший дома после ранения. Он посмотрел на нашу добычу и сказал: Дельно! Тропили?

— Тропили.

— Так. Хорошее дело. Я вот тоже своего парнишку от молодых ногтей приучаю к разным следам присматриваться. Следопыт-охотник и на войне всегда первый разведчик. И партизан тоже.

Слово «война» напомнило мне про мой приказ на снегу.

— А тебя всё-таки наказать надо, — сердито сказал я сынишке. — Ведь приказ-то был — не будить меня.

— Я не виноват!—заявил он, нисколько не испугавшись. — Что осталось на снегу от приказа, то я и сделал.

— Как так? — не понял я.

— Сам посмотри.

Я заглянул через забор в палисадник. Там в ярком солнечном свете ослепительно блистало на снегу одно только короткое слово: ***БУДИ***

Остальных букв и следа не было.

— Я вижу, — объяснил сынишка, — каждый день буквы всё хуже. Я взял дощечку и прикрыл эти четыре буквы, чтобы приказ совсем не замёрз.

Маленький, маленький, а какой хитрый!

Много петель на снегу
понапутать я могу.
Коль искать меня взялись,
в них попробуй разберись.

Загадка

Н. НЕКРАСОВ

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

Рис. Б. Дехтерёва

С большущей сивой гривою,
Чай двадцать лет нестриженой,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.

Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну, расспрямится?
Пробьёт дыру медведище
В светёлке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал...
...Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запрёмся. Я работаю,
А Дёма, словно яблочко

В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженькой...
Вот раз и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовут клеймёным, каторжным?
— Я каторжником был.
— Ты, дедушка?
— Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...
— И полно! шутишь, дедушка!
— Нет, не шучу. Послушай-ка!
И всё мне рассказал.

. . . .

...небывалое
Наследник[1] средство выдумал
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришёл, шельмец!
Один, как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонькой:
«Платите, сколько можете».
— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю».
— Уведомь!.. — Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: «Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...
С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? «Окопать
Канавами желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»

---

[1] Дед Савелий был крепостным крестьянином. Наследник — сын помещика, которому достались крестьяне после смерти помещика.

— Ну, хорошо! Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!
Поехал в город парочкой!
Глядим, везёт из города
Коробки, тюфяки,
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повёл хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властию,
Гостишек полный двор!
И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!..
...У немца — хватка мёртвая:
Пока не пустит по-миру,
Не отойдя, сосёт!
— Как вы терпели, дедушка?
— А потому терпели мы,
Что мы — богатыри...
...Ты думаешь, Матрёнушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!
— А что же немец, дедушка?
— А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!
Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его
И третий... Мы посгрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: верёвку! лестницу!
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружней. —
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сравнялася с землей!

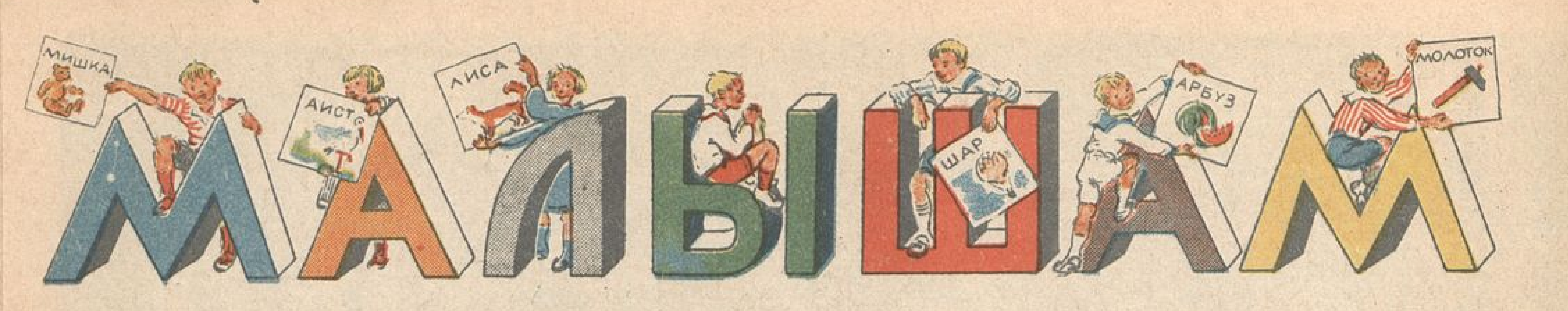

Рис. В. ЛЕБЕДЕВА

ДЕТСКИЙ ТЕАТР В ГОСПИТАЛЕ.

НА СЦЕНЕ ИДЁТ ПЬЕСА «КОНЁК-ГОРБУНОК».

ДЕД МОРОЗ

Е. ТРУТНЕВА

Рис. Т. ШЕВЧЕНКО

В серебре уже давно
Под окном берёзка.
Постучался к нам в окно
Старый дед Морозко.

Не узнаешь старика,—
Нарядился ловко:
Пистолет у ремешка,
За спиной — винтовка!

У него игрушек нет
В торбе за плечами —
Партизанит старый дед
Зимними ночами.

Деду некогда, поверь,
Мастерить игрушки.
Не пройдёт фашистский зверь
По лесной опушке.

Без пощады бьёт врага,
Ничего, что старый,
А за ним идёт пурга.
Так и ходят парой.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМ НЕ СПРАШИВАЙ

Мужик воз сена везёт, а другой идёт навстречу. «Здоро́во!» — «Здоро̀во»! — «А что везёшь?» — «Дрова». — «Какие дрова, ведь у тебя сено?» — «А коли видишь, что сено, зачем спрашиваешь».

ВПЕРЕД!

Стихи А. СТОВРАЦКОГО
Рис. Е. Ребиковой

Лохматыми узорами
лежит на ёлках снег.
Над снежными просторами
и лай и звонкий смех.

Идут ребята дружные
колонной боевой;
в руках блестит оружие,
и флаг над головой.

Отряд с горы спускается:
— Держись! Не отставай!
— Эй, кто там спотыкается?
Не падай, не зевай!

Врасплох врага застанем мы!
Возьмём фашистский дзот!
За родину! За Сталина!
Товарищи, вперед!

М. БУЛАТОВ *Рис. И. ТИМОФЕЕВА*

РУССКИЙ ГЕРОЙ

Во время Отечественной войны 1812 года французы клеймили руки всех русских, захваченных в плен, и заставляли их служить во французской армии.

Когда одному крестьянину Смоленской губернии французы наложили клеймо на руку, он спросил:

— Для чего это меня оклеймили?

— Это знак, что ты находишься теперь на службе у Наполеона,— объяснили ему.

Крестьянин выхватил из-за пояса топор и отсёк себе клеймёную руку.

КАК МУЖИК КАМЕНЬ УБРАЛ

Ставили в Петербурге памятник Петру Великому. От подножного камня откололась огромная глыба. Надо было её убрать с площади, а как это сделать — не знали: на мелкие ли куски колоть, волоком ли волочить. И то и другое и дорого и канительно.

Один крестьянин сказал:

— Дозвольте мне этот камень убрать, за работу я недорого возьму!

Ему разрешили. Он вырыл яму возле самой глыбы и свалил в неё глыбу, засыпал камень землёю и разровнял её лопатой.

КАК ЦЕРКОВЬ ПЕРЕДВИНУЛИ

Сто тридцать лет назад жители Моршанска надумали построить каменную церковь вместо старой деревянной. Но и старую церковь им жалко было ломать. И они решили сдвинуть её с места, чтобы освободить площадку для новой церкви.

Иностранный механик за это запросил пятьдесят тысяч рублей. А тут явился крепостной механик Дмитрий Петров и взялся передвинуть церковь за двести пятьдесят рублей.

Под церковь подвели толстые бревна, сделали земляную насыпь и слегка приподняли здание. Потом подвели под церковь новый бревенчатый фундамент — вроде палатей, а под бревнами устроили катки.

Когда всё было готово, начали звонить в колокола. На благовест собрался народ и начал помогать Дмитрию Петрову. И вот церковь поехала на другое место. Во время движения только крест наверху слегка колебался.

На разгром врага!

Рисунки читателей «Мурзилки»

Отступление немецких войск под Сталинградом

Моткина Эдуарда 11 лет 4 класс

ПАРТИЗАН ПОДБИЛ ТАНК НЕМЦЕВ

Рис. Шуры Савченко, гор. Баку.

ФИЗКУЛЬТУРА

М. ЧЕРЕВКОВ

МЕТКИЙ ГЛАЗ

СНАЙПЕР ХАНДОГИН

Когда белка скачет по ветвям и перелетает с вершины на вершину, не разберёшь, какие у ней глаза. Видишь только рыжевато-чёрный комочек с пушистым хвостом, мелькающий среди зелени.

Сибирский охотник Гавриил Хандогин, целясь из ружья, отлично видел беличьи глаза, хотя они малы, как бусинки. Гремел выстрел, и пушистый комочек падал на землю с вершины кедра. Дробинка попадала прямо в чёрную бусинку.

На фронте Гавриил Хандогин стал снайпером. Он бил немцев так же метко, как белок. Иной раз немец лежал очень далеко и казался просто чёрной точкой. Но недаром Хандогин умел разглядеть глаза скачущей по вершинам деревьев белки. Он всегда находил фашиста. Выстрел — и чёрная точка вздрагивала и оставалась лежать неподвижно. Недавно Хандогин убил сто сорок пятого немца.

КАК СОХРАНИТЬ ЗОРКОСТЬ?

Ребята лучше видят, чем взрослые. А вот иногда вырос — и стекляшки на нос нацепил. Почему? Не берёг свои глаза.

Как же сохранить остроту зрения?

Альпинист, взбираясь при ярком свете солнца на горную вершину, покрытую вечным снегом, надевает дымчатые очки. Не защищённые очками глаза не могут выдержать ярких лучей солнца, отражённых сияющей поверхностью льдов и снега. Человек заболевает снежной слепотой. Глаза у него слезятся, краснеют, в них появляется резкая боль.

Слишком яркий снег вреден для глаз. Если ты читаешь книгу, сидя на солнце, то её белые страницы, как снег, отражают солнечные лучи, и яркий свет утомляет зрение. То же происходит, когда читаешь или пишешь при свете лампы, не прикрытой абажуром. Снежной слепотой от такого чтения не заболеешь. Но понемногу, изо дня в день зрение будет портиться. Но и при хорошем освещении можно испортить глаза. Например. если ты будешь читать лежа или сидя за слишком высоким столом.

ГЛАЗОМЕР И МЕТКОСТЬ

Можно иметь отличное зрение и не обладать меткостью. Чтобы стать метким, надо развивать глазомер.

Снайпер с первого взгляда может сказать, сколько метров отделяют его от противника. Учись и ты определять расстояние на глаз. Когда гуляешь, наметь впереди какой-нибудь предмет, например угол дома, дерево, и прикинь в уме, сколько до него шагов. Потом иди и считай свои шаги. Дойдёшь до намеченного предмета — проверь, верно ли ты определил расстояние.

Чтобы стать метким, надо больше кидать в цель камешки, снежки, играть в серсо, стрелять из лука.

Устройте с товарищами игру. Нарисуйте во дворе, на заборе или на глухой стене, без окон, два круга величиной с человеческую голову. Разделитесь на две команды. Постройтесь в шеренгу; каждая команда перед своим кругом. По сигналу кидайте в цель снежки. Какой команде удастся первой залепить свой круг снегом, та победит.

Как починить себе платье

Рис. И. БЕК

Хочешь, чтобы твоё платье носилось долго и было всегда опрятным? Тогда следи за ним каждый день. Держи его всегда чистым и чини сейчас же, как только появится хоть маленькая дырочка.

Если платье порвётся по шву, то эту беду легко поправить. Сложи края порванного места и зашей по старому шву.

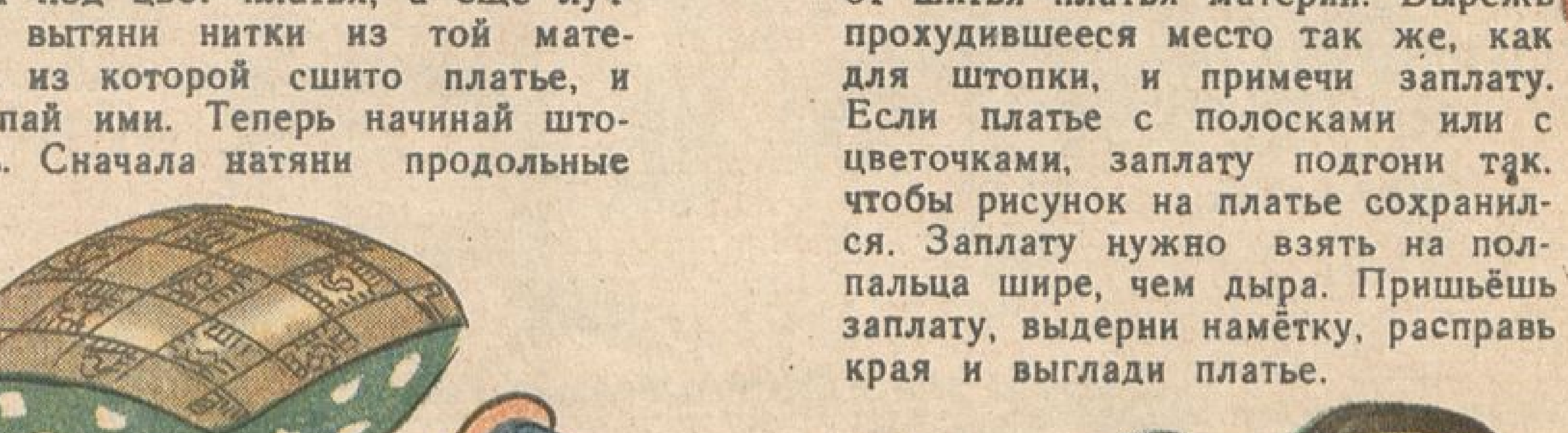
А вот если платье станет вынашиваться, редеть, то его надо штопать. Это уже труднее.

Прежде всего для штопки сделай маленькую клеёнчатую подушечку. Набей ее туго песком. Эта подушечка пригодится тебе каждый раз, когда будешь штопать.

Вырежь изношенное место платья, натяни его на подушечку и примечи. Нитки для штопки подбери под цвет платья, а ещё лучше, вытяни нитки из той материи, из которой сшито платье, и штопай ими. Теперь начинай штопать. Сначала натяни продольные нитки (основу), потом переплети их поперечными, подымая одну нитку на иголку, другую оставляя под иголкой. Клади нитки и вдоль и поперёк так близко друг к другу, чтобы после штопки у тебя получилась ткань такая же плотная, как и на всём платье. На нитках при штопке узлов никогда не делай.

Если же дыра на платье очень велика, то тут уж нечего штопать, надо класть заплату. Но и заплату можно наложить так, что её и не заметишь.

Возьми лоскуток оставшейся от шитья платья материи. Вырежь прохудившееся место так же, как для штопки, и примечи заплату. Если платье с полосками или с цветочками, заплату подгони так. чтобы рисунок на платье сохранился. Заплату нужно взять на полпальца шире, чем дыра. Пришьёшь заплату, выдерни намётку, расправь края и выглади платье.

Стихи Г. Скребицкого *Рис. А. БАЖЕНОВА*

ЕГОРКА НА ПРИГОРКЕ

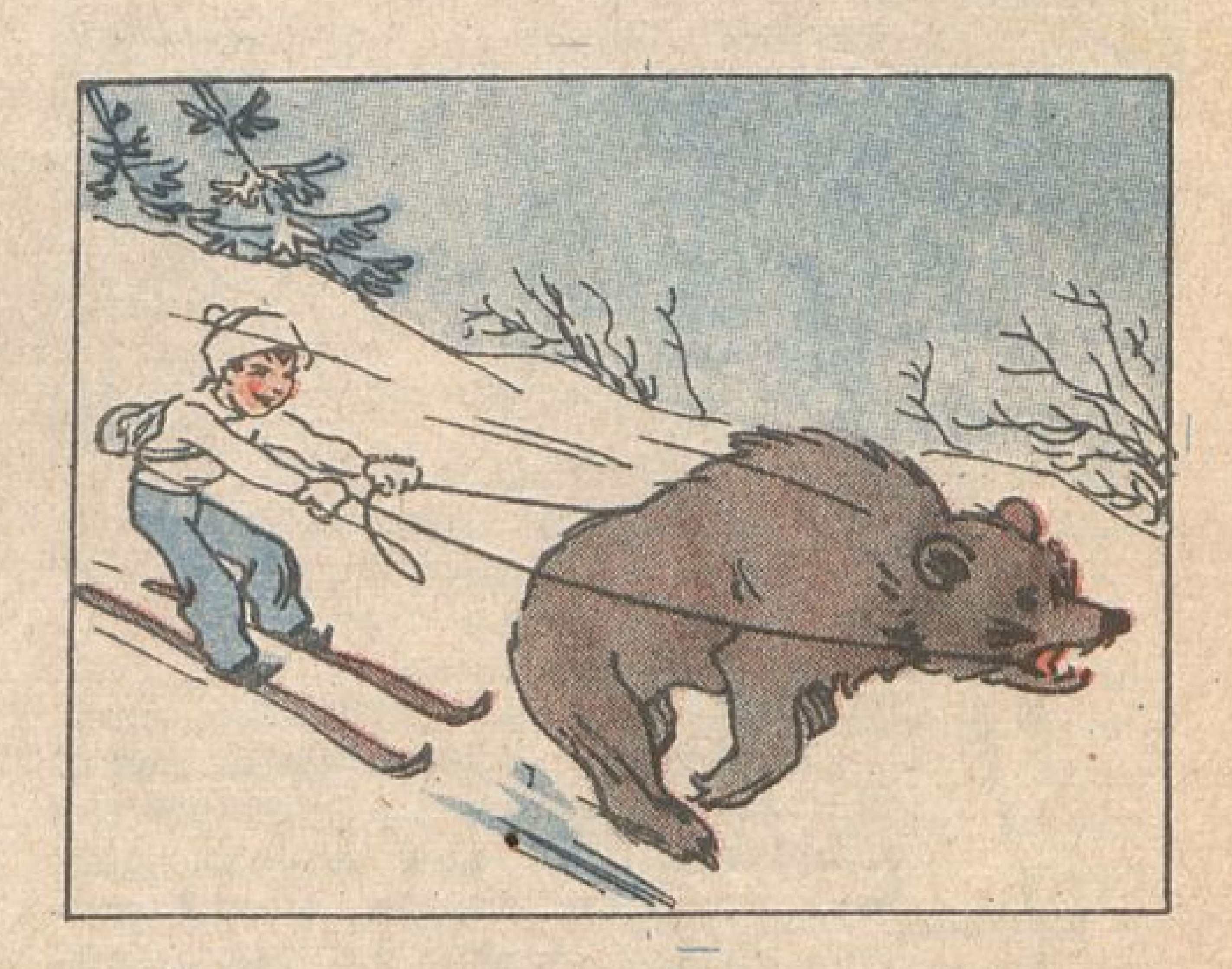
Заданье зимней эстафеты —
Доставка срочного пакета.

С пакетом мчится наш Егор,
Стрелой вбежал на косогор.

Вздымая вихрь, вскочил медведь.
На нём попробуй усидеть.

Егорка — удалой ездок:
Пакет домчит в кратчайший срок.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия»

Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Телефон: К 0-71-86; К 0-53-44.

Ответственный редактор *А. Бабушкина*
Подписано к печати 3/III 1943 г. Л 23201. Объем 2,5 печ. л. (2,8 уч.-изд. л.). В 1 печ. л. 32 000 знаков.
Тираж 100 000. Заказ 936. Цена 2 руб.
Типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.